

Т. С. Киселев

О РАННЕМ ЭТАПЕ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ У ХАУСА

В последнее десятилетие в африканистике отчетливо выявилась тенденция к более углубленному изучению социальной истории африканских народов. Это своевременно и закономерно: накопленный за долгие тоды материал по исторической и социологической проблематике отдельных стран континента дает исследователю возможность подняться на более высокий по сравнению с изучением «истории королей» уровень исторической реконструкции и обратиться к постановке и решению фундаментальных проблем эволюции местных этносоциальных организмов¹.

Сказанное в полной мере относится и к истории крупнейшего африканского этноса — хауса. Социальная история хауса до XIX в. (до фульбского джихада, в определенной степени трансформировавшего социальную структуру хаусанского этноса и обозначившего новый этап его развития) почти не изучена. Между тем исследование социального развития африканского общества, в котором к рубежу XIX столетия намечился переход к уже развитому феодализму, может вызвать интерес не только у африканистов, но и у широкого круга специалистов, занимающихся исследованием процессов классово- и политогенеза. Именно поэтому предметом данной работы были выбраны такие важнейшие аспекты социальной эволюции хауса, как процесс классовообразования и генезис государства.

Мы знаем об истории хауса намного меньше, чем о прошлом других суданских государств доколониального времени — Мали, Сонгай и даже Борну. Основную причину этого назвать нетрудно: крайняя скудость местных письменных источников (из внешних источников по интересующему нас периоду имеется лишь описание стран хауса, сделанное в самом начале XVI в. Львом Африканским). Действительно, исследователь хауса не имеет в своем распоряжении ни подлинно исторических хроник — таких, как западносуданские тарихи, ни имманентных грамот местных правителей — таких, как махрамы Борну, ни подробно описанных придворными историками царствований — таких, как знаменитый труд имама Ахмеда ибн Фартуа. Собственно хаусанские источники, так называемые хроники, повествующие о временах до джихада, представляют собой по сути дела сравнительно поздние записи устной традиции. (Исторические предания в течение веков передавались от поколения к поколению специальными «хранителями прошлого», близкими ко двору).

¹ Не случайно в недавно вышедшем труде по источниковедению африканской истории подчеркивается, что «от исторической науки нашего времени следует ожидать гармоничной сбалансированности этического уровня (до сих пор преобладавшего) с эмпирическим» (В. А. Бейлис. Проблемы использования устной традиции для реконструкции истории народов Африки. — «Источниковедение африканской истории». М., 1977, с. 91).

До нас дошли лишь записи, сделанные уже в прошлом столетии. Так, хаусанский вариант важнейшего из источников подобного рода — Хроника Кано — был переведен с арабского манускрипта, созданного в годы правления Мухаммаду Белло (1883—1892). При этом, добавляет составитель сборника хаусанских исторических документов, где и была помещена Хроника Кано, Р. М. Ист, «мы полагаем, что [эту запись сделал] образованный человек... который опирался на труды, не дошедшие до нас»².

То, что до нашего времени действительно не сохранился ни один документ хаусанских дофульбских государств, многие историки объясняют, ссылаясь на немецкого исследователя прошлого века Г. Барта, религиозным фанатизмом фульбе, якобы уничтожавших все попадавшие им в руки манускрипты «неверных». Надо сказать, что сообщение Барта кажется весьма правдоподобным, хотя султан Белло и опровергал это. Ведь прежде всего наиболее странным и неожиданным выглядит само отсутствие подобных документов: уровень осознания и метод реконструкции любым обществом своей истории во многом зависят от уровня социально-экономического развития последнего, а государства хауса к рубежу XIX в. переходили уже к развитому феодализму, и вряд ли требования осознания прошлого, которые предъявляла себе их культура, могли ограничиваться устной исторической традицией.

Как бы то ни было, исследователям дофульбского периода истории хауса приходится работать в основном с упомянутыми выше «хрониками». Кавычки поставлены здесь не случайно: такого названия заслуживают фактически лишь два документа — Хроника Кано и Хроника Замфары; остальные представляют собой лишь династийные списки.

Таким образом, историк хауса, ставящий перед собой цель более глубокого изучения социально-экономического и политического развития данного этносоциального организма, оказывается в настоящее время перед следующим выбором: направить свои усилия на поиски новых данных, ввести в научный оборот новые письменные (и не только письменные) источники или, когда это трудно осуществить, попытаться еще раз более внимательно взглянуть на те данные, которыми мы уже располагаем.

Именно на этот, второй путь мы и намерены встать, и объектом нашего исследования станет Хроника Кано. Особая ценность Хроники состоит в том, что помимо материалов, рисующих эпоху сложения государства и ускоренного классовообразования, она содержит сведения, в которых отразился наиболее темный период истории изучаемого общества, не нашедший освещения ни в каких других типах источников, — определенный этап перехода от общинно-племенной, потестарной организации общества к раннегосударственной, начальный этап сложения классового общества.

В историческом развитии хауса более или менее ясно прослеживаются выделенные на материале Сонгай и Борну три основных этапа процесса классовообразования в суданской зоне³. Вместе с тем — и это вполне закономерно — здесь имеется и своя специфика. В наибольшей степени это относится к первому этапу: транссахарская торговля, сыгравшая столь важную роль в образовании правящего «протокласса»⁴ в

² «Littafin Tarihin Kano». — «Hausawa da Makwabtansu». Zaria, 1975, p. 5.

³ 1 — «выделение зародыша правящего „протокласса“ на основе монополизации организационных функций в торговле со Средиземноморьем», 2 — появление эксплуатации внутри суданских обществ, распространявшееся, однако, «только на чужаков, прежде всего военнопленных», 3 — включение в систему эксплуатации свободных большесемейных общин (Л. Е. Куббель. Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана. — «Становление классов и государства», М., 1976, с. 122, 123).

⁴ Мы следуем здесь за Л. Е. Куббелем, употребляющим этот термин вслед за Ж. Баландые (G. Balandier. *Anthropologie politique*. Paris, 1967, p. 101, 107, 110).

Западном Судане и Канеме, начала развиваться в странах хауса (и то далеко не во всех) лишь в XV в. Вместе с тем вряд ли есть основания сомневаться в существовании на территории нынешней Северной Нигерии догосударственных образований (вожеств — этот термин все более широко используется в отечественной исторической и этнографической литературе и, на наш взгляд, удачно выражает суть общественного устройства в условиях разложения первобытнообщинного строя) и до указанного времени. Хотя устная историческая традиция, на основе которой была создана Хроника Кане, освещает исторические судьбы династии, захватившей власть в некоторых странах хауса, по-видимому, в XII—XIII вв. н. э., начинается Хроника с краткого рассказа о пяти правителях, предшествующей династии, потомках легендарного охотника Дала⁵, верховных жрецах местного божества Тсумбурбура (Тсумбурбурай). Несомненную ценность для исследователя представляют сообщения Хроники о социальной организации этого догосударственного образования (вожества), где власть концентрировалась в руках верховного жреца. Хроника сообщает: «Всего было одиннадцать... языческих вождей, и каждый из них был главой большого племени. От них и произошел Кане». Исследование общины хауса колониального периода, особенно общины «язычников» магузава⁶, чья социальная организация в наименьшей степени подвергалась влиянию ислама, позволяет предположить, что упоминаемые Хроникой «вожди» представляли правящий слой уже каких-то территориальных образований. Не случайно, видимо, при перечислении этих вождей Хроника называет каждого из них правителем той или иной земли.

В этом обществе, безусловно, шли спонтанные процессы разложения родо-племенных отношений и постепенно формировалась новая социальная верхушка — зародыш правящего «протокласса». О факторах, способствовавших этим процессам, говорилось в одной из наших работ⁷, поэтому вряд ли стоит упоминать их специально и здесь. Не приходится сомневаться, однако, что при таких темпах развития и при отсутствии важнейшего фактора классовобразования — транссахарской торговли — общество хауса вряд ли смогло бы к XVI в. сравняться по уровню социально-экономического развития с передовыми в этом отношении странами региона. Несмотря на это, можно, по нашему мнению, говорить о сложении у хауса раннеклассового общества уже к рубежу XV в. Что же послужило здесь катализатором генезиса классового общества и государственности?

На наш взгляд, ответить на этот вопрос можно, лишь опираясь на предположение, что приблизительно в XII—XIII вв. н. э. в потестарных образованиях хауса сменилась правящая династия. Этот факт, сохраненный устной исторической традицией, а именно легендой с «Семи хауса»⁸, использовался разными исследователями для выдвижения самых разно-

⁵ В Дауре, первой стране хауса, где появились представители новой династии, к этому моменту правила 17-я по счету царица. Существовала древняя династия и в Кацине (*H. R. Palmer. Sudanese Memoirs, v. III. Lagos, 1928, p. 79*).

⁶ См. *J. Greenberg. Influence of Islam on a Sudanese religion. — «Monographs of the American Ethnological Society. Memoirs», № 10, N. Y., 1946.*

⁷ См. *Г. С. Киселев. Становление государств хауса. — «Народы Азии и Африки», 1978, № 2.* Попытку реконструировать в общих чертах генезис государств хауса сделал в свое время М. Смит (*M. Smith. The beginnings of Hausa society. — «The Historian in Tropical Africa». London — Ibadan — Accra, 1964*). В указанной статье мы предлагаем другое, основанное на иных методологических принципах решение этого комплекса проблем.

⁸ Так называемая легенда о «Семи хауса» повествует о приходе в страны хауса сына царя Багдада (или, по другой версии, раба правителя Борну), традиционного для мирового фольклора героя-змееборца, потомки которого якобы основали семь исконно хаусанских государств — Кане, Кацину, Гобир, Заззау, Рано, Бирам и Дауру. См. об этом подробнее: *Д. А. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. — Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 53, М. — Л., 1960.*

образных гипотез — от решения на его основе проблемы этногенеза хауса до попыток в духе миграционных теорий объяснить возникновение здесь государственности цивилизаторской ролью белых пришельцев. И в той и в другой крайности есть, безусловно, элементы истины. Действительно, нельзя разрабатывать вопросы этногенеза хауса, не исследуя роли мигрантов из Сахары в этом комплексе процессов. В то же время очевидно и то, что захват этими мигрантами власти в хаусанских вожествах и образование ими нового правящего слоя (вероятно, типа высшей касты) не могли непосредственно не отразиться на процессах классовой политогенеза. Попытаемся же на основе Хроники Кану определить действительный вклад сахарских мигрантов в указанные процессы, а также установить обусловившие это явление причины.

Первое же знакомство с Хроникой создает у исследователя ясное впечатление глубокого различия между двумя описываемыми в ней (правда, далеко не в равной степени) историческими периодами. Как уже говорится, Хроника начинает свой рассказ с появления на территории современной Северной Нигерии мигрантов и захвата ими власти у старых правителей Кану. При этом о последних также сообщаются некоторые сведения, правда, чрезвычайно краткие. Интересно отметить, что указанное различие проявляется здесь прежде всего даже чисто «внешне» — в разных принципах построения текста. Так, если все изложение Хроники, посвященное правителям новой династии [от первого правителя — Багауды до последнего — Абдуллахи Байаро (1926—1939)], строится на основе своеобразной «анкеты»⁹, то изложение на тех двух страницах, где идет речь об их предшественниках, не имеет ничего общего с этой «анкетой».

Подобная текстологическая особенность ценна для нас прежде всего именно резким противопоставлением в Хронике двух эпох — «до» и «после». Она не может не навести на мысль о возможности проявления во «внешнем» более глубокого различия, когда в построении фрагментов текста, посвященных соответственно периодам «до» и «после», отразилось принципиально разное осмысление «хронистами» места этих периодов в историческом развитии данного общества, а следовательно, и действительное их отличие друг от друга.

В самом деле, в результате внимательного изучения Хроники становится совершенно очевидно, что этот источник убедительно свидетельствует о важнейших процессах генезиса государства и классообразования, шедших в Кану именно при правителях новой династии: постепенном укреплении власти правителя, борьбе новой служилой знати с родоплеменной и, наконец, развитии внутри общества начальных форм эксплуатации.

Так, судя по Хронике, в течение длительного периода представители новой правящей династии вели упорную борьбу с «неверными», т. е. их противниками из старой родоплеменной знати. Сарки Нагуджи (1194—1247), например, возвратясь из очередного похода, «нашел неверных на грани восстания; поэтому он усыпил их бдительность сладкими речами, а потом казнил их вождей...». Гугуа, седьмой сарки (1247—1290), употребил все свои достоинства («он был терпимым, красноречивым, мудрым») на раскрытие тайн культа «неверных», но не добился успеха: «Неверные ненавидели его». В царствование Шеккарау (1290—1307), несмотря на твердое намерение новой знати раз и навсегда покончить с «неверными», последним удалось убедить правителя дать им свободу исповедовать старый культ¹⁰. Девятый сарки, Тсамия (1307—1343), возобновил борьбу с «неверными», заявив их вождям: «... между нами не может быть ничего, кроме луков, стрел, копий и щитов...». Хроника сообщает о

⁹ См. об этом: Ю. К. Щеглов. Современная литература на языках Тропической Африки. М., 1976, с. 77 сл.

¹⁰ Примечателен их довод: «Если владения правителя обширны, он должен быть терпимым, в противном случае он никогда не сможет овладеть всей страной...».

решающей битве между дружиной сарки и силами «неверных», в которой сарки одержал полную победу, уничтожив священное дерево их божества и проникнув за ограду, куда вход был разрешен только верховному жрецу¹¹.

Таким образом, не приходится особенно сомневаться, что переход власти в Кано в руки новых династов означал оттеснение от управления обществом родо-племенной верхушки (последняя в дальнейшем, судя по всему, смешалась с новым правящим слоем, если и выделившимся в особую высококастовую группу, то на весьма недолгий срок). К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, которые могли бы пролить свет на вопрос об уровне социального развития мигрантов-завоевателей. В сущности даже неизвестно, насколько массовой была такая миграция¹². Тем не менее можно предположить, что, поскольку социальная верхушка общества была теперь иноэтничной, не могли не ослабиться родовые связи, а формирующаяся политическая власть еще более отделилась от общинного организма. При этом военно-организаторская деятельность нового правящего слоя приобрела теперь также новый, чисто внутренний аспект — необходимость постоянной борьбы с частью местного населения, находившейся под значительным влиянием старой родовой знати.

Высказанное предположение находит себе подтверждение во всем дальнейшем историческом развитии общества хауса. Пожалуй, особенно рельефно «катализирующая» роль новой правящей верхушки сказалась на ходе процессов классообразования и появления новых, уже не патриархальных форм эксплуатации.

Однако прежде чем перейти к более подробному рассмотрению этих вопросов, следует, по необходимости кратко, затронуть важнейшую сторону процесса политогенеза — проблему взаимодействия социальных и этнических факторов, взаимовлияния процессов развития этнических общностей, сложения исторической территории этноса и появления эксплуатации одних коллективов другими.

Поскольку спонтанное социально-экономическое развитие догосударственных образований предков хауса шло замедленным темпом, а процессы классо- и политогенеза были здесь искусственно «подогреты» иноэтничными мигрантами, выделенные Л. Е. Куббелем общие для всей суданской зоны первые два этапа классообразования оказались здесь как бы слитыми, без четко выраженного временного рубежа.

Тем не менее складывающийся правящий «протокласс» наиболее развитых местных догосударственных образований, подобно тому как это было в Западном Судане, эксплуатировал своих слабых соседей. Существовало, однако, что вначале здесь в этой роли выступило этнически родственное население: шел двуединый процесс сложения исторической территории этноса (с подчинением и эксплуатацией населения завоевывавшихся территорий), с одной стороны, и формирования промежуточного между племенем и народностью типа этнической общности — с другой.

В связи с этим можно предположить, что позднейшие государства хауса (Кано, Кацина, Заззау, Гобир, Замфара и др.), в которых, по мнению Д. А. Ольдерогге, в XVI в. начала складываться народность хауса и получил распространение единый язык хауса¹³, возникли на базе отдельных соплеменностей, а последние в свою очередь сложились из разных групп предков современных хауса. В ходе межплеменной (а также внутриплеменной) борьбы происходило массовое перемещение и смешение отдельных этнических групп и в то же время усиливалась социальная дифференциация, развивались отношения эксплуатации, завязыва-

¹¹ «Littafin Tarihin Kano», p. 26—28.

¹² О роли мигрантов в этногенетических процессах у хауса см.: Г. С. Киселев. Некоторые проблемы этногенеза хауса. — «Сов. этнография», 1977, № 3.

¹³ Д. А. Ольдерогге. Указ. раб., с. 76, 77.

лись хозяйственные связи, шел процесс языковой и культурной интеграции.

Возникновение новых этнических общностей, пришедших на смену племенам и стадияльно соответствующих переходной эпохе от родоплеменного общества к классовому (в советской литературе последнего десятилетия их обычно называют соплеменностями), точно описано Энгельсом: «... повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы»¹⁴. Сходная картина, разумеется, с учетом всех специфических черт, по всей вероятности, наблюдалась и в странах хауса. Основной тенденцией социально-политического развития хауса была централизация территориальных общин, частично уже объединенных в рамках потестарной организации, вокруг формирующихся городов — бирни.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники ярко рисуют картину сложения предгосударственных образований хауса в результате военной экспансии наиболее сильных и развитых вожеств. Описание первых царствований Хроники Кано содержит многочисленные упоминания о войнах с соседними мелкими образованиями — Карайе, Сантоло, Даб, Дебби, Рано и др., позднее попавшими в зависимость от Кано и в конце концов прекратившими самостоятельное существование. Иными словами, вожество, а потом и предгосударство Кано (по сути дела, привилегированная община) подчиняло себе соседние общинно-племенные образования с потестарной организацией и начинало контролировать их земли. Таким образом, шло формирование более широкой этнической общности. Одновременно с этим, однако, выявлялась и другая сторона отмеченного двуединого процесса — возникали первые формы эксплуатации, основанные на подчинении слабых потестарных образований более сильным.

Первоначально, по-видимому, подобная зависимость выражалась в выплате дани. Так, пятый сарки Кано Йуса, по словам Хроники, «... ходил на Карайе (в 60 км к юго-западу от Кано.— Г. К.), и тамошние жители покорились ему после пятимесячной осады... от Гурмай до Фаринруа люди платили ему дань...». Тринадцатый же сарки, Канаджеджи (1390—1410), нанеся поражение княжеству Умбату со столицей в Бету, взял с побежденных дань — 4 тысячи невольников¹⁵.

Об этом же свидетельствует и Хроника Абуджи — хаусанского эмирата, созданного бежавшими в начале XIX в. от фульбе правителями Заззау на территории его доклассовой периферии. Местные племена, оказавшиеся в зависимости от мигрантов, как бы повторили здесь историческую судьбу тех мелких потестарных образований, которые в ходе исторического развития поглощались их более сильными соседями¹⁶.

Источники не дают нам возможности говорить о существовании в XV—XVIII вв. каких-либо видов кастовой стратификации: по-видимому, первоначально зависимые этнически родственные племена в дальнейшем включались в господствующий этнос и через несколько поколений память об их «инородном» происхождении исчезала. Вполне вероятно поэтому, что когда окрепшая власть заменила на своей территории всевозможные нерегулярные подати (в том числе и дань с зависимых коллективов) единым налогом, как это сделал правитель Кано Нагуджи, такие племена уже полностью интегрировались в господствующую этносоциальную структуру.

Хотя правящий слой хаусанских предгосударственных образований эксплуатировал, как было показано выше, периферийные родственные племена и хотя в этих образованиях наверняка существовало домашнее

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 168.

¹⁵ «Littafin Tarihin Kano», р. 32.

¹⁶ См. об этом подробнее: Г. С. Киселев. Становление государств хауса.

рабство (к сожалению, наши источники ничего об этом не сообщают), уровень подобной, собственно говоря даннической, эксплуатации был поначалу, по-видимому, невысок. Надо также иметь в виду, что общество еще не было и психологически подготовлено к возможности эксплуатации человека человеком. Однако те процессы, которые начались в обществе хауса с воцарением новой династии, скоро существенно изменили это положение.

«Мощным толчком к началу использования невольника в общественном производстве, иначе говоря, к возникновению системы эксплуатации внутри самих суданских обществ» Л. Е. Куббель считает появление в составе социальной верхушки этих обществ новой прослойки — новой аристократии, или «царских людей» рабского происхождения (рабская гвардия, особенно ее командиры)¹⁷. Хроника Канона, на наш взгляд, иллюстрирует это явление весьма ярко. Проследить его удастся при сравнении списков приближенных правителя — для каждого царствования Хроника традиционно перечисляет наиболее видных или же наиболее отличившихся лиц из окружения сарки. Такое сравнение приводит к следующему выводу: начиная с воцарения правителей новой династии в Хронике появляются совершенно новые по сравнению с предыдущим периодом «придворные титулы», явно обозначающие принадлежность к «царским людям» и даже указывающие на личную зависимость их носителей от сарки. Так, в противоположность окружавшим правителей «первой» династии носителям титулов *саркин самари* («повелитель юношей»), *саркин руа* («повелитель воды»), *саркин макафи* («повелитель слепых»), указывающих на родо-племенную природу социальной верхушки общества, правителей «второй» династии сопровождают дружинники — *мадаваки* («начальник кавалерии»), *джармай* («смельчак, герой»), *лифиди* («командир тяжеловооруженной пехоты»), а также носители других военных титулов (*берде, макама, тураки* и др.), евнухи¹⁸ и прочие представители служилой знати: *алкали* — судья, *дагачи* — стражник, *саркин касуа* — управляющий рынком и многие другие¹⁹.

Дальнейшая роль «царских людей» в политической жизни Канона хорошо иллюстрируется Хроникой: 12-й правитель, Бугайя (1385—1390), всю власть передал временщику — *галадима*, то же сделал Умару (1410—1421); Атума (1452) был свергнут, как выражается Хроника, «из-за страха, что произойдет конфликт с галадимой Даудом»; Якуфу (1565) был свергнут с престола и вновь возведен на него только с помощью галадимы Сара Катуня; про *вомбай* Гиву, воевавшего много лет на юге и поставлявшего в Канона рабов, Хроника говорит: «Он стал настолько могущественным, что опасались мятежа с его стороны. Поэтому во время Кутумби (1623—1648. — Г. К.) его сместили с этой должности»²⁰. Можно было бы привести еще много подобных примеров.

Каким же образом появление этой новой социальной прослойки обусловило расширение системы эксплуатации внутри местного общества?

Хроника Канона, пестрящая сообщениями о захвате полона в соседних странах, по-видимому, подтверждает высказанное ранее мнение о непосредственной связи «царских людей» со становлением такой системы путем использования труда военнопленных в масштабе всего общества²¹. К началу XV в. предгосударственные образования хауса, достигшие, как представляется, классических размеров, по мере роста влияния и увеличения зависимых и подвластных территорий начали сталкиваться на

¹⁷ Л. Е. Куббель. Указ. раб., с. 107.

¹⁸ К евнушеским традиционно относилась высшая административная должность — *галадима*; евнухами были также придворные администраторы, как *саркин байи* («повелитель слуг»), *саркин кофа* («начальник городской или дворцовой стражи») и др.

¹⁹ «Littafin Tarihin Kanon», р. 19, 22, 27, 29—31, 33, 37, 38.

²⁰ Там же, р. 31, 33, 34, 36, 40, 41, 45 сл.

²¹ Л. Е. Куббель. Указ. раб., с. 107, 108.

границах. Междоусобные войны, безусловно, способствовали притоку в Кано невольников. Первое свидетельство о таких войнах Хроника Кано относит к правлению уже упоминавшегося сарки Канаджеджи, который в результате двухлетней войны с Заззау убил правителя этой страны и разгромил его армию²². Войны Кано с Заззау продолжались в течение всего XV в. Столкновения же наиболее могущественных царств хауса — Кано и Кацины — начались лишь в начале XVI в.

Список правителей Кацины повествует о военных экспедициях в далекие страны некоторых правителей раннего периода. Так, шестой сарки, Корау (живший вероятно, в XIII в.), якобы ходил походом на джукунов²³. Чтобы убедиться в малой вероятности таких походов, достаточно взглянуть на карту средневековой Нигерии. Для слабых, контролировавших незначительную территорию правителей Кацины XII—XIV вв. вряд ли были возможны военные предприятия против народов, обитавших на Бенуэ. В то же время сведения источников о столкновениях с насельниками Азбена (Аира) и впоследствии Гобира²⁴, относящиеся соответственно к правлениям Румба Рамба (одного из самых ранних правителей) и Гида Йаки (предположительно конец XV в.), представляются более правдоподобными; эти народы непосредственно граничили с Кациной на северо-западе. Высказанное соображение подкрепляется, между прочим, и тем обстоятельством, что в последующий период экспансия Кацины развивалась именно в северном и западном направлениях, тогда как Кано, напротив, распространял свое влияние преимущественно на юг и восток.

Отмеченное расширение масштаба военных действий обусловило необходимость усиления войска. В Хронике Кано мы встречаем упоминание о происходившем перевооружении армии сарки Канаджеджи: «Канаджеджи был первым сарки у хауса, который ввел... лифиди (тяжеловооруженную пехоту.—Г. К.), боевые шлемы и кольчуги»²⁵.

Вполне возможно, что появление нового вооружения и совершенствование организации войск в свою очередь могли приводить к интенсификации военно-грабительских экспедиций. Однако этому способствовали и иные, объективные условия: в эпоху классового развития грабительских войн было явлением всеобщим. «Война и организация для войны,— писал Энгельс,— становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война, которую раньше вели только для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»²⁶. После того как объединение главных хаусанских земель вокруг их исторически сложившихся культурно-хозяйственных центров в целом закончилось, междоусобные войны велись в основном с целью захвата невольников (в меньшей степени — прочей добычи).

Кано, в частности, помимо нападений на непосредственных соседей вел такие войны на своей южной периферии, где обитали наиболее отсталые в социально-экономическом отношении мелкие этнические группы. Так, Хроника Кано сообщает, что Сарки Яджи (1349—1438) напал на джукунов, причем последние отказались от борьбы и ушли в горы, откупившись сотней невольников²⁷.

Таким образом, у «царских людей» появились теперь все возможности для создания собственного хозяйства на базе использования труда невольников. В Хронике содержатся важные сообщения о создании пред-

²² «Littafin Tarihin Kano», p. 32, 33.

²³ H. R. Palmer. History of Katsina.—«Journal of the Royal African Society», v. 25, № 53, 1927, p. 221.

²⁴ Там же, с. 221, 222.

²⁵ «Littafin Tarihin Kano», p. 32.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 164; см. там же, с. 108.

²⁷ «Littafin Tarihin Kano», p. 31

ставителями новой знати невольничьих поселков. Вот характерный пример: «...галадима Дауду все время воевал на юге с язычниками, покоряя их и обращая их в рабство. Каждый месяц он присылал Кану по тысяче невольников. Он провел на юге семь лет. В Кану появилось очень много рабов... На пути назад он останавливался каждые три мили и основывал поселение. Таким образом он основал двадцать одно поселение... В каждом он оставлял по тысяче невольников, пятьсот мужчин и пятьсот женщин...»²⁸.

Упоминание Хроники о равном половом составе невольничьих поселений весьма существенно. Оно дает возможность предположить, что социальный статус невольников-полоняников закреплялся путем принудительной эндогамии. Подобная форма закрепления социального статуса существовала и в Сонгай²⁹. Можно, следовательно, полагать, что способы эксплуатации индигенных групп были в обоих этносоциальных организациях схожими³⁰.

Сервильное население занимало особые поселки, которые организовывались по принципу большесемейных общин и назывались *румада*. Характер эксплуатации такого населения и место последнего в формировании классовых обществ доколониальной Африки уже рассматривались в нашей литературе. Оно, во-первых, способствовало сохранению и укреплению общинной организации; во-вторых, создавались социально-психологические предпосылки для дальнейшего развития и углубления отношений эксплуатации³¹.

Действительно, степень эксплуатации лично-свободных общинников в пред- и раннегосударственных образованиях хауса, была, видимо, не очень велика. Из Хроники Кану известно, например, что только шестой правитель, Нагуджи (1194—1247), обложил всех земледельцев страны налогом в одну восьмую урожая³². В хаусанском государстве Марادي в XIX в. правитель получал одну из десяти связок кукурузы или проса при сборе основного налога на зерновые — *закка*³³. Надо отметить и то обстоятельство, что сообщения о недовольстве широких кругов населения своим экономическим положением появляются в источниках лишь в поздний период самостоятельного (дофульбского) развития хаусанских государств. Так, только к царствованию Кумбари (1734—1743) относится следующее сообщение Хроники Кану: «Придворные любили его, но простой народ его ненавидел»³⁴. (Кумбари известен своей жестокой налоговой политикой, которой он «чуть было не погубил рынок»³⁵. Он обложил налогами даже мусульманское духовенство. «Арабы покинули город,— говорится в Хронике Кану,— и направились в Кацину, простонародье же бежало по деревням»³⁶.)

Это замечание представляет собой красноречивое свидетельство бедственного положения феодально-зависимого и лично-свободного крестьянства хауса, а также городского населения на протяжении всего наполненного войнами и бедствиями XVIII в., поскольку внутренняя политика многих правителей Кану этого периода строилась по образцу политики Кумбари.

²⁸ Там же, с. 35, 36.

²⁹ Л. Е. Куббель. Сонгайская держава. М., 1974, с. 139 сл.

³⁰ Пережитки этого явления существовали у хауса вплоть до недавнего времени: «...среди чучанава был особенно распространен брак-обмен (обмен невестами между двумя семьями), закреплявший их отчужденное положение в локальной общине» (И. В. Следзевский. Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М., 1974, с. 184).

³¹ См. введение Л. Е. Куббеля к кн.: «Социальные структуры доколониальной Африки». М., 1970, с. 7.

³² «Littafin Tarihin Kano», p. 25.

³³ M. G. Smith. A Hausa kingdom: Maradi under Dan Baskore (1854—1875).— «West African Kingdoms in the XIX Century». Ed. by D. Forde and Ph. Kabery. London, 1965, p. 105.

³⁴ «Littafin Tarihin Kano», p. 55.

³⁵ Там же, с. 55.

³⁶ Там же, с. 55.

К сожалению, Хроника Кано — важнейший источник по истории хаусанского общества в дофульбский период — не дает возможности проследить, как произошло включение в систему эксплуатации свободных большесемейных общин. Один из основных аспектов классогенеза и генезиса феодализма в Северной Нигерии остается, таким образом, неисследованным. Заполнить эти лакуны удастся лишь в небольшой степени. Так, существование в государствах хауса накануне джихада уже вполне сложившейся феодальной эксплуатации лично-свободного крестьянства подтверждается хотя бы тем, что в борьбе против феодальных правителей этих государств на стороне фульбе оказалась значительная часть общинного крестьянства и городских низов. Ценные сведения о высокой степени эксплуатации и бедственном положении общинного крестьянства содержатся в двух сочинениях начала XIX в., принадлежавших перу Османа Фан Фодио и его брата Абдуллы ибн Мухаммеда³⁷. Нарисованная этими источниками картина говорит о жестокой политике постоянных поборов и экспроприации имущества, не предусмотренных исламским законодательством налогов и принудительной рекрутчины. В то же время Абдулла ибн Мухаммед с негодованием указывал на назначение невежественных лиц на важные государственные должности, на процветающую вследствие этого коррупцию чиновничества. Дан Фодио бичевал взяточничество судей и всяческое притеснение простого люда (захват феодалами скота, выгон скота правителя на крестьянские поля и т. п.).

Известно также, например, что в государстве Маради, сохранившем свою независимость от фульбе, свободные общинники несли разнообразные трудовые повинности, которые обычно состояли в ремонте городских укреплений, резиденций знати, мостов, дорог и пр.

Достаточный материал имеется по северонигерийскому феодализму периода султаната Сокото и особенно колониального времени, однако вопрос о том, насколько этот материал репрезентативен для реконструкции процесса сложения эксплуатации лично-свободного общинного крестьянства, выходит за рамки данной работы.

В заключение попытаемся кратко резюмировать те соображения о ходе процесса классообразования у хауса, которые можно сделать на основе данных Хроники Кано.

1. Весьма важную роль в этом процессе сыграл захват власти в государствах на территории нынешней Северной Нигерии новой династией, возможно сахарского происхождения. Утверждение в качестве правящего слоя иноэтнической группы в силу ряда причин послужило у предков хауса катализатором процессов классо- и политогенеза. Так, общинно-племенную верхушку, медленно превращавшуюся в правящий «протокласс», вытеснила новая, служилая знать — «царские люди».

2. Появление этой социальной группы в свою очередь вызвало к жизни новые формы эксплуатации, дополнившие взимание дани с более слабых соседей эксплуатацией невольников-полоняников в рамках собственного хозяйства феодализирующихся «царских людей».

3. Использование новой знатью прибавочного труда невольников-иноплеменников открыло дорогу первоначально слабой, но постоянно усиливающейся тенденции к включению в систему эксплуатации лично-свободного общинного крестьянства.

³⁷ M. Hiskett. «Kitab al-Farq», a work on Habe kingdoms attributed to Uthman Dan Fodio. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies». 1960, v. 23, pt. 3; *Abdullah ibn Mohammed. Tazyin al-Waraqat*. Ed., trans. and introductory study of the author's life and times by M. Hiskett. Ibadan, 1963.

ON THE EARLY STAGES OF CLASS FORMATION AMONG THE HAUSA

The study is based on original sources, in particular the Kano Chronicle. The author examines the following features of early class formation among one of Africa's largest ethnoses, the Hausa.

1) The «catalytic» class-generating role of alien ethnic groups that succeeded in establishing themselves as the governing section in the pre-state entities that existed in what is at present Northern Nigeria.

2) The supplanting of the tribal leadership by the new military nobility; the ensuing rise of new forms of exploitation, with the traditional levying of tribute from weaker neighbours being supplemented by the exploitation of captives in the households of the «king's men» who were gradually becoming feudalized.